УДК 81'362 Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2016. Вып. 2

О. В. Блинова

«*JITВJЕГЫ Е ЗА ОКРИМНЭ ПЛЫМНЕ*»[1]: ПРЕДИКАТИВНОЕ ИМЯ В ЗАПАДНОПОЛЕССКОМ ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ (на славянском фоне)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье анализируются конструкции с предикативным именем, выраженным предложной группой «*за* + Вин. п.», в которых оно контролируется (1) подлежащим (*X был за Y*), и (2) дополнением (*считаю X за Y*). В западнополесском предложная группа является одним из центральных способов выражения предикативного имени, активно задействованы оба типа конструкций. В окружающих литературных языках предложная группа задействована преимущественно в конструкциях типа (2).

Найденные в украинских, белорусских, польских, а также белорусских диалектных материалах немногочисленные употребления конструкции типа (1) используются для указания на род деятельности, профессию, должность какого-либо лица. В западнополесском такой специализации не наблюдается, конструкция употребляется без семантических ограничений. Библиогр. 25 назв. Табл. 1.

Ключевые слова: малые славянские языки («микроязыки»), западнополесский письменный язык, синтаксис, предикативное имя, нормализаторский эксперимент, украинский язык, белорусский язык, польский язык.

«JITVJEGY JE ZA OKRIMNE PLYMNE»: PREDICATE NOMINALS IN WESTPOLESSIAN IN COMPARISON WITH NEIGHBORING SLAVIC LANGUAGES

O. V. Blinova

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

In this article the constructions with Predicate Nominals (PN) expressed by a prepositional phrase '*za* + Acc' are analysed, including constructions of the type *X byl za Y* in which PN is controlled by a subject, and constructions of the type *schitaju X za Y* in which PN is controlled by an object. In Westpolessian language the prepositional phrase is one of the main means of expressing PN, while in the surrounding literary languages it is presented mainly in the constructions of the second type.

Ukrainian, Belarusian, Polish, and also Belarusian dialect materials testify semantic specialisation of the construction of the type *Y byl za Y.* The construction is used to indicate an activity, a profession, or a position of a person. Refs 25. Table 1.

Keywords: Slavic minority languages («Microlanguages»), Westpolessian, syntax, predicate nominals, experimental standardisation, Ukrainian, Belarusian, Polish.

1. Введение

Для локального сообщества, вступившего на путь борьбы за признание особого этнического статуса, важное значение имеет наличие собственного стандартного языка. В ходе его оформления различия с препятствующим самоопределению близкородственным языковым окружением могут вводиться намеренно. В рамках этой статьи будут выделены приёмы, направленные на увеличение дистанции (или увеличение количества структурных различий) между формирующимся письменным языком и соседними языками.

[1] З.-полес., букв. 'Ятвяги — отдельный народ'.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016

 DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.210

Приёмы дистанцирования рассматриваются на примере конструкций с предикативным именем в текстах на западнополесском письменном языке. «Предикативное имя» понимается как субстантив или адъектив, синтаксически подчиненный глаголу, но связанный отношением контроля с другим именем в той же клаузе[2]. Учитываются различия между (1) конструкциями, где предикативное имя контролируется подлежащим (типа *X был Y-ом*), (2) конструкциями, где предикативное имя контролируется дополнением (типа *считаю X Y-ом*). Предикативные имена принимают преимущественно три формы: согласованная форма, творительный падеж, предложная группа «*за* + винительный падеж»; обсуждению подлежат прежде всего конструкции с предложной группой.

2. Западнополесский письменный язык: условия возникновения, опорные говоры, тексты

Так называемый «западнополесский микроязык», литературно-языковой проект, осуществлявшийся в конце XX века группой энтузиастов во главе с Н. Шеляговичем, обычно рассматривается в числе других «микроязыков» («малых славянских литературных языков»)[3].

Диалектной базой «западнополесского микроязыка» (далее — западнополесского письменного языка, ЗПЯ) стали говоры южной части Ивановского района Брестской области и койне, бытующее в этом регионе и на смежной территории Волынской области [Klimčuk, с. 91]. Письменный стандарт, таким образом, создавался для белорусского Брестско-Пинского и смежных районов украинского Волынского Полесья. Необходимо отметить существенное «природное» отличие опорных западнополесских брестско-пинских говоров от основного белорусского диалектного массива, что приводит к атрибуции брестско-пинских говоров то как переходных украинско-белорусских, то как собственно украинских, то как белорусских (так, брестско-пинские говоры отличает отсутствие аканья, отсутствие цеканья-дзеканья, [i] на месте *ѣ под ударением)[4].

Жизненный цикл ЗПЯ ограничивается началом 80-х–серединой 90-х гг. XX в. Под влиянием монографии А. Д. Дуличенко «Славянские литературные микроязыки» (1981) у Н. Шеляговича[5] появилась идея создания на западнополесской диалектной основе литературной нормы; идея была воплощена им и единомышленниками в форме проекта кодификации[6], целого ряда стихотворных текстов, периодических изданий на ЗПЯ («Збудінне» и «Балесы Полісься»).

[2] Определение основано на дефиниции Дж. Никольс в [Никольс, с. 344, см. также с. 345–351], но учитывает более узкий круг форм выражения предикативного имени, исключая те, которые сближаются с именами только по синтаксической функции (например, наречия, деепричастия в выражениях типа *Домики выглядели **уютно***, *Он спит **сидя***). Строго говоря, интересующие нас предложные группы управляются предлогом, а не глаголом; отношения контроля в них выражены: *считать **его** за **дурака***, *считать **их** за **дураков*** и т. д.

[3] См., например, [Дуличенко; Duličenko].

[4] См., например, [Клімчук, с. 50].

[5] См. [Шелягович].

[6] Неопубликованная дипломная работа студента БГУ Н. Шеляговича, согласно [Шелягович], называлась «Проект литературной нормы западнополесского микроязыка»; в [Duličenko, с. 583, 587] фигурирует название «Краткое фонетико-морфологическое описание брестско-пинского диалекта белорусского языка — проект литературного варианта».

3. Декларируемые принципы формирования ЗПЯ и их применение

В процессе создания стандарта была провозглашена идеология дистанцирования от окружающих литературных языков, ср.: «*Поліськиј дялехт, нымавшиј стилька рокэј лытырацькиjі нормы, розвывався дысеткамы говорок — одны з jіх зазнавалы взьдія росеjськиjі володы, другы — лытвынськиjі, трэті — русынськиjі, чытвэрты — полецькиjі. Наша зарышна задача — одновыты запомэтяну основу, яка jідыныть всі гэты говоркы, яка поможэ всім полышукам ліпш порозумітыса, шэ ліпш згуртоватыса еко плымнёвы*»; «*всека нова волода тому ј повстае, шо хочэ сказаты світовы шось такэ, чого нихто гынчиј ныкажэ ј ныскажэ. Тако-ж и лэксыкию, словоформамы своjімы. Тому, выдомо, за норму поліськиjі володы трэ браты наjпэроч тэ, шо е властывэ но полышукам, чого ныма в гынчых*»[7] [Балесы Полісься, с. 6].

Требование использовать внутренние, собственно полесские языковые ресурсы, отличительные языковые черты нашло применение прежде всего при формировании словаря ЗПЯ, в способах восполнения лексического дефицита. Исследователи отмечали склонность Н. Шеляговича к заведомо архаичной, узкодиалектной лексике [Цыхун], к лексическому конструированию, насыщению текстов авторскими неологизмами [Klimčuk; Аркушин, 2014, с. 169]). Ф. Д. Климчук приводит развёрнутый ряд неологизмов, в том числе замещающих имеющиеся в базовых говорах слова, принадлежащие общему с украинским и/или белорусским языком лексическому фонду, ср.: *трэтёдэнь* 'среда', *пjетодэнь* 'пятница', *днэныччэ* 'сутки', *спарнык* 'супруг', *людность* 'народ, нация' (ср. также *людовыј* от польск. *ludowy*) [Klimčuk, с. 93], ср. также *звэрхнык* 'начальник', *нарава* 'любовь', *гір* 'пан'[8] и мн. др. Внедрение некоторых заимствований (з-полес. *спарéз* 'союз' от латыш. *spars* 'сила', известное *володa* 'язык', соотносимое с латыш. *valoda* и др.), по-видимому, вызвано действием идеологически значимой «ятвяжской теории» («балтского мифа») происхождения полешуков[9].

Итак, существует достаточно большой корпус текстов на ЗПЯ[10], демонстрирующий причудливое сочетание «естественных» (наблюдаемых в опорных диалектах) и «сконструированных» черт. Концентрация искусственных элементов сделала ЗПЯ малопонятным для его потенциальных пользователей[11]. В то же время, воз-

---

[7] '*Полесский диалект, столько лет не имевший литературной нормы, развивался в десятках говоров — одни из них испытывали воздействие русского языка, вторые — белорусского, третьи — украинского, четвертые — польского. Наша первичная задача — возродить забытую основу, которая объединяет все эти говоры, которая поможет полешукам лучше понять друг друга, еще лучше объединиться как народу*', '*всякий новый язык потому и возникает, что хочет сказать миру что-то такое, чего никто другой не говорит и не скажет. Так же и лексикой, словоформами своими. Поэтому, понятно, в качестве нормы полесского языка нужно брать прежде всего то, что свойственно только полешукам, чего нет в других [языках]*'.

[8] Возможно, соотносимо с диал. *гира* 'голова человека', см. [Аркушин, 2000, с. 89].

[9] См. также [Шевченко]: «*Важным фактором, влияющим на языковую политику полесских будителей, является их восприятие коренного населения Полесья как прямых потомков балтского племени ятвягов, которое населяло эту территорию в раннее средневековье и постепенно было ассимилировано славянами*». Использование латышской лексики, видимо, вызвано фактом некоторого знакомства Н. Шеляговича с латышским языком.

[10] Это прежде всего выпуски ежеквартальных и ежемесячных изданий, печатавшиеся с конца 1980-х до середины 1990-х гг.

[11] Показательна переписка с читателями на страницах газеты «Збудінне»: [Читатель] *А что это за язык в вашей газете? Мы, дрогичинцы, не можем читать эту «белеберду»*. [Редакция] *Мныго*

можно, именно благодаря такой своей организации он заслуживает внимания, поскольку западнополесский проект в целом может восприниматься как достаточно длительный языковой эксперимент, а на материале ЗПЯ удобно рассматривать приёмы, направленные на создания специфического словаря и специфической грамматики в условиях выделения идиома из близкородственного языкового окружения.

4. Предикативное имя в ЗПЯ и окружающих идиомах

4.1. В ЗПЯ наблюдается устойчивая тенденция к выражению предикативного имени с помощью предложной группы «*за* + Вин. п.» — прежде всего в конструкциях с глаголами-связками и глаголами «связочного типа», в том числе:

(1) с предикативными именами, контролируемыми подлежащим:

алы ***jітвjегы****, одважны j воёвнычы людэ,* ***ныхотілы буты*** *…* ***за колонію русынэj*** ‘но ятвяги, отважные и воинственные люди, не хотели быть колонией украинцев’;

краj*, дэ людэ поділяны, розjеднаны,* ***е за лёхку здобычу*** *ёго ворогам* ‘край, где люди разделены, разъединены, является легкой добычей для его врагов’;

за чоловы мэты *згуртовання* ***е: збыранне, дослідуванне j пропагандованне*** *поліськиjі духивниjі культуры* ‘главными целями объединения являются: собирание, изучение и пропагадирование полесской духовной культуры’;

наjпэроч було Слово, и Слово було в Бога, и ***за Бога було Слово*** ‘в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Богом было Слово’;

мы станымо за господарив *свэjі зымні* ‘мы станем хозяевами своей земли’;

шо j дало згуртованнёвы пудставу ***статы за органызацию*** *мызрыспублыцькорыгыоналышну* ‘что и дало объединению основание стать организацией межреспубликанско-региональной’;

(2) с предикативными именами, контролируемыми дополнением:

сыбэ *вин* ***мае за Бога*** ‘себя он считает Богом’;

вважеючы сыбэ ны за мужыка ‘считая себя не мужиком’;

чому-б ***ныполычыты людыну*** *Московиjі* ***за татарву*** ‘почему бы не посчитать человека Московии татарвой’;

62 процэнты полышукив ***за ридну мову назвалы поліську*** ‘62 процента полешуков родным языком назвали полесский’;

за заступныкэj *старшыны* ***булы выбраны Л. Козлив и А. Трушко*** ‘заместителями старшины были выбраны Л. Козлов и А. Трушко’;

альбо чому-б ***ныполычыты Москву за*** *лытовську* ***твэрдь*** ‘или почему бы не счесть Москву литовским городом’.

4.2. Конструкции первого типа (*X есть (за) Y*) в доступных материалах по брестско-пинским говорам [Климчук, с. 20–78; Дыялектны слоўнік Брэстчыны] обнаружены не были (кроме того, в источниках не прослеживается употребление связки в настоящем времени). Так, в составе статей «Диалектного словаря Брестчины» предикативное имя выражается падежно согласованной формой или формой творительного падежа: *до войны* ***воны булы голегами*** (Тв. п.) ‘до войны они были друзьями’[12] [Дыялектны слоўнік Брэстчыны, с. 48].

хто каже, шо мова нашэjі газэты нызрозуміла… ‘Много кто говорит, что язык нашей газеты непонятен…’ [Збудінне, 3].

[12] Для существительного *голега* в словаре приводится соответствие блр. ‘сябар’, то есть ‘друг’.

В то же время тип (1) задействован в говорах северо-западной Беларуси, он используется для указания на должность/род деятельности: ***Ён быў за аканома*** *у папа.* ***Вон*** *сечас* ***за секретара*** (ср. также ***Сын служыў*** *у Германіі* ***за шофера***) [Слоўнік беларускіх гаворак, с. 177].

4.3. Можно думать, что в окружающих литературных языках (белорусском, украинском, русском, польском) выражение предикативного имени с помощью предложной группы наблюдается прежде всего при глаголах типа *лічыць (за)*, *прымаць (за)*, *мець (за)*, *вважати (за)*, *приймати (за)*, *мати (за)*, *взяти (за)*, *визнати (за)*, *считать (за)*, *держать (за)*, *принимать (за)*, *брать (за)*, *счесть (за)*, *почесть (за)*, *uważać (za), liczyć (za), mieć (za)* и т. п., то есть задействован преимущественно тип (2).

Рассмотрение корпусного материала в общем подтверждает это соображение. Данные, приведённые в таблице 1, отражают релевантные результаты поиска по запросу «глагол» + «*за*» + «**существительное в Вин. п.**» в языковых подкорпусах (украинском, белорусском, польском) параллельного корпуса Национального корпуса русского языка и в его основном подкорпусе (со снятой омонимией).[13]

Таблица 1. **Употребление конструкций с предикативными именами, выраженными предложной группой**

	объём пользовательского подкорпуса (в словах)	**употребления конструкции с предикативными именами (существительными), контролируемыми подлежащим**	**употребления конструкции с предикативными именами (существительными), контролируемыми дополнением**
укр.	6 524 228	24	37
блр.	2 467 443 (30 млн)	1 (1)	6 (10)
польск.	5 012 893	3	42
рус.	5 944 156	3	73

В скобках для белорусского приведены результаты поиска с тем же запросом по «Белорусскому N-корпусу» (http://bnkorpus.info), который, по заявлению создателей, содержит 30 млн. токенов.

Согласно полученным сведениям, количество употреблений конструкции второго типа с предикативным именем, выраженным предложной группой, превышает количество употреблений конструкции первого типа в 24 раза (русский)[14],

[13] В каждом случае при выборе подкорпуса параллельного корпуса в качестве языка оригинала был задан анализируемый язык, в качестве языка перевода — русский.

[14] В состав пользовательского подкорпуса со снятой омонимией при поиске по Основному корпусу НКРЯ не попали употребления типа рус. *быть за старшего*, *быть за главного*. Поиск велся по запросу «***V*** **на расстоянии 1 от** ***за*** **на расстоянии 1 от** ***S,acc***»; затем рассматривалось всё, что попало в выдачу. Поиск по запросу «***V t:be:exist*** **на расстоянии 1 от** ***за*** **на расстоянии 1 от (*S* | *A*),(*gen* | *acc*)**», учитывающий семантику глагола, не дал релевантных результатов. В то же время поиск по точным формам показывает, например, что конструкция *быть за старшего* в ОК НКРЯ встречается всего дважды и только с нулевой связкой, ср. *Ты же теперь за старшего* [Борис Екимов. Фетисыч // Новый мир, 1996]. Таким образом, инвентаризация указанных конструкций является отдельной задачей, которая в рамках настоящей статьи решаться не будет.

в 14 раз (польский), в 6 (10) раз (белорусский), в полтора раза (украинский). Таким образом, в украинском литературном языке наблюдается сравнительно более высокая встречаемость конструкции *X был за Y*.

Между тем **только одно** употребление интересующей нас конструкции типа (1) в украинском корпусе найдено в текстах, написанных после 1930 года: ***Було за щастя з'їсти*** *невеличкий шматочок хліба, хай навіть і чорного* [Волков][15] Да и этот контекст является цитацией речи очевидца[16]. Немногим менее половины найденных примеров относится к текстам, написанным до начала XX в. Значит, эта конструкция в современных украинских текстах малоупотребительна.

4.4. Полученные контексты вполне однородны, ср. укр. *бути за* ***диригента****, був за* ***шпійона****, за* ***горняшку*** *служила, будемо за* ***хазяїнів*** *і* ***розпорядчиків****, служив за* ***наймита****, будете за* ***директора****, будь за* ***генерала****, приставав за* ***половинщика****, ставай за* ***пасічника****, будеш за* ***міхоношу****, був за* ***прикажчика****, був за* ***робітника****, був за* ***старосту***. Преобладают контексты с глаголами связочного типа; в 21 из 24 найденных украинских примеров конструкция используется для указания на род деятельности, занятие, профессию, должность какого-либо лица[17].

В польском наблюдаем подобную картину, но с бóльшим количеством употреблений конструкций с глаголом конкретной семантики 'служить', ср.:

Pracujesz, ***za terminatora jesteś****. Zarabiasz, jak mówią*. [Bohdan Czeszko. Pokolenie (1951)]. Букв. 'Работаешь, являешься подмастерьем. Зарабатываешь, как говорят';

zawołał nagle Jędrek, ***służący za fornala*** [Stefan Żeromski. Syzyfowe prace (1897)]. Букв. 'служащий конюхом';

mu miał ***służyć za przewodnika***. [Józef Ignacy Kraszewski. Kunigas (1881)]. Букв. 'должен был служить ему проводником'.

Единичный белорусский пример из НКРЯ — именно такого рода, блр. ***застаўца за камандзіра*** *гарматы* (ср. также *стары, што* ***служыў за занавеску****, падпалены фартух*). Выдача пользовательского подкорпуса основного корпуса НКРЯ включает три употребления, это обороты рус. *сойти (идти) за, слыть (за)*.

5. Заключение

Наблюдаемые в ЗПЯ способы употребления рассматриваемых типов конструкции «*за* + Вин. п.» существенно отличаются от схем, наблюдаемых в опорных диалектах, северо-западных белорусских диалектах, окружающих литературных языках (украинском, белорусском, польском, русском).

[15] Заметим, что перевод на русский язык оформлен с помощью той же конструкции: ***Было за счастье съесть*** *небольшой кусочек хлеба, пусть даже и черного* [А. Волков, Е. Лавренюк. Трагедия голода 1933 года (Е. Е. Рудоманова, 2010)].

[16] См. раздел «Спогади очевидців», Волков Василь Афанасійович (м. Одеса): *Я народився в селі Шолохове Нікопольського району Дніпропетровської області в 1921 році … Звичайною їжею для нас була лобода, ховрашки, хліб з висівок та перетертої трави. Було за щастя з'їсти невеличкий шматочок хліба, хай навіть і чорного* [Волков].

[17] Переводится конструкция с использованием творительного падежа, предложной группы «*в* + Вин. п.» или (реже) «*за* + Вин. п.»: *Він тоді* ***був за прикажчика*** *у пана, і її кинула там господиня, бо так наказав управитель-німец* [Панас Мирний. Повія. Ч. 1 (1882)]. Перевод: *Он тогда* ***был приказчиком*** *у помещика…*; «***Поступай за горничну*** *до мене, там ти так і так… як баришня будеш*» [Архип Тесленко. Хуторяночка (1906)]. Перевод: «***Поступай****, мол, ко мне в* ***горничные****…*»

В ЗПЯ предложная группа является одним из центральных способов выражения предикативного имени. Это относится и к употреблениям типа (1) *за Бога було Слово*, и к употреблениям типа (2) *сыбэ вин мае за Бога*. В соседних идиомах в соотносительных конструкциях предикативное имя обычно принимает форму творительного падежа или падежно согласованную форму. В доступных материалах по опорным (брестско-пинским) говорам употреблений конструкций с предложной группой не найдено.

В обследованных литературных языках предложная группа «*за* + Вин. п.» заметно употребительнее в конструкциях с предикативными именами (существительными), контролируемыми дополнением (тип *считаю X за Y*).

Согласно полученным данным, в украинских материалах конструкция первого типа (*X был за Y*) встречается значительно чаще, чем в белорусских, русских и польских. Однако этой конструкции нет в современных текстах; 23 употребления из 24 относится к периоду до 30-х гг. XX в., около половины принадлежит текстам XIX в.

Едва ли не все найденные в украинских, белорусских, польских, а также белорусских диалектных материалах употребления конструкции первого типа однородны: конструкция используется для указания на род деятельности, занятие, профессию, должность какого-либо лица (укр. *був за старосту*, польск. *jesteś za terminatora*, блр. *застацца за камандзіра,* блр. диал. *быў за аканома*). В ЗПЯ такой специализации не наблюдается, конструкция употребляется без семантических ограничений.

Таким образом, можно сказать, что в ЗПЯ использован приём создания контраста по отношению к окружающим языкам: периферийные способы оформления предикативного имени (оформление с помощью предложной группы) искусственно превращены в центральные.

Литература

Дуличенко А.Д. Малые славянские литературные языки (микроязыки) // Языки мира. Славянские языки. М., 2006. С. 593–615.

Климчук Ф.Д. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968. С. 20–78.

Никольс Дж. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. XV. С. 342–387.

Шевченко К. Формирование полесской этнической идентичности в Беларуси в 1980–1990-е годы. Текст доклада на международной научной конференции «Нациестроительство и идентичности на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы» // Западная Русь. URL: http://zapadrus.su/partnery/ceas/ceas-2012/980-formirovanie-polesskoj-etnicheskoj-identichnosti-v-belarusi-v-1980-1990-e-gody.html a16a (дата обращения: 11.01.2015).

Шелягович Н. У нашего дела — космический знак // Іншадумцы / под ред. А.Л. Уліцёнок. Мінск, 1991. С. 123–146.

Аркушин Г.Л. Народна лексика Західного Полісся. Луцьк, 2014. 236 с.

Аркушин Г.Л. Словник західнополіських говірок. Т. 1. Луцьк, 2000. 380 с.

Балесы Полісься: Информацiјнэ, лытырацько-умiјныцкэ и штудiјно-популернэ выданне громадсько-культурного згуртовання «Полісьсе». 1989. № 1.

Волков О., Лавренюк Є. Трагедія голоду 1933 року // Бібліотечно-інформаційний центр «Слово». URL: http://www.bizslovo.org/content/index.php/biblioteka/148-pochat-xx-st/687-tragediya-golodu.html (дата обращения: 11.01.2015).

Дыялектны слоўнік Брэстчыны. Мінск, 1989. 294 с.

Збудінне. 1990. № 11.

Клімчук Ф. Дыялектнае ўзмежжа ў ніжнім Пагарынні // Актуальныя праблемы моваЗнаўства і лігвадыдактыкі: матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі, Брэст, 20– 21 сакавіка 2008 г. Брэст, 2008. 324 с. С. 50–53.

Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 2. Мінск, 1980. 728 с.
Цыхун Г. Пра заходнепалескую літаратурную мікрамову (праект М. Шэляговіча) // Мовазнаўства. URL: http://languages.miensk.com/Lang_Eu_As_Af/Indoeuropean/Westpalesian/prajekt_sheliah.htm (дата обращения: 11.01.2015).
Duličenko A. D. Westpolesisch // Wieser-Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens / ed. by M. Okuka. Klagenfurt, 2002. S. 581–587.
Klimčuk F. D. Некоторые особенности письменной традиции Полесья // Modernisierung des Wortschatzes europäischer Regional- und Minderheitensprachen / Hrsg. G. Spieß. Tübingen, 1999. S. 83–94.

Для цитирования: Блинова О. В. «Jiтвjегы е за окримнэ плымне»: предикативное имя в западнополесском письменном языке (на славянском фоне) // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 2. С. 112–120. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.210

References

Dulichenko A. D. Malye slavianskie literaturnye iazyki (mikroiazyki) [Minor Slavic standard languages]. *Iazyki mira. Slavianskie iazyki* [*Languages of the world. Slavic languages*]. Eds A. M. Moldovan and others. Moscow, Academia Publ., 2006, pp. 593–615. (In Russian)
Klimchuk F. D. Spetsificheskaia leksika Drogichinskogo Poles'ia [Specific vocabulary of Drogichinsk Polesie]. *Leksika Poles'ia. Materialy dlia polesskogo dialektnogo slovaria* [*The Polessian lexis. Materials for polessian dialectal vocabulary*]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 20–78. (In Russian)
Nikol's Dzh. Padezhnye varianty predikativnykh imen i ikh otrazhenie v russkoi grammatike [Case variants of the predicate nominals and its reflection in the Russian grammar]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [*New in the foreign linguistics*]. Vol. XV. Sovremennaia zarubezhnaia rusistika [Modern foreign Russian studies]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 342–387. (In Russian)
Shevchenko K. Formirovanie polesskoi etnicheskoi identichnosti v Belarusi v 1980–1990-e gody. Tekst doklada na mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Natsiestroitel'stvo i identichnosti na postsovetskom prostranstve: problemy i perspektivy» [Formation of Polessian ethnic identity in Belorussia in 1980–1990s: Report for the international research conference "Nation building and identities in the post-Soviet space: Problems and perspectives"]. *Zapadnaia Rus'* [*Western Rus*]. Available at: http://zapadrus.su/partnery/ceas/ceas-2012/980-formirovanie-polesskoj-etnicheskoj-identichnosti-v-belarusi-v-1980-1990-e-gody.html a16a. (accessed 11.01.2015) (In Russian)
Sheliagovich N. U nashego dela — kosmicheskii znak [Our case has a cosmic sign]. Inshadumtsy [Dissidents]. Ed. by A. L. Ulitsenok. Minsk, Belarus' Publ., 1991, pp. 123-146. (In Russian)
Arkushin, G. L. *Narodna leksika Zahidnogo Polissya* [*Popular lexicon of West Polesye*]. Luck, Shidnojevropejs'kyj nacional'nyj universytet imeni Lesi Ukrai'nky Publ., 2014. 236 p. (In Ukrainian)
Arkushin, G. L. *Slovnik zahidnopoliskih govirok* [*Vocabulary of Westpolessian dialects*]. Vol. 1. Luck, Red. -vyd. vidd. "Vezha" Volyn. derzh. un-tu im. Lesi Ukrai'nky Publ., 2000. 380 p. (In Ukrainian)
Balesy Polis"sja: Informacijnje, lytyrac"ko-umijnyckje u shtudijno-populernje vydanne gromads"ko-kul"turnogo zgurtovannja «Polis"se» [*The voices of Polesye: Information, literary and professional, scientific and popular issue of the cultural association "Polesye"*]. 1989, vol. 1. (In Westpolessian)
Volkov O., Lavrenjuk Є. Tragedija golodu 1933 roku [The tragedy of the hunger of 1933]. *Bibliotechno-informacijnyj centr «Slovo»* [*Library and Information Center "Word"*]. Available at: http://www.bizslovo.org/content/index.php/biblioteka/148-pochat-xx-st/687-tragediya-golodu.html (accessed 11.01.2015). (In Ukrainian)
Dyjalektny slownik Brjestchyny [*Dialectal dictionary of Brest region*]. Eds G. M. Malazhaj, F. D. Klimchuk. Minsk, Navuka i tjehnika Publ., 1989. 294 p. (In Belarusian)
Zbudinne [*Awakening*]. 1990, vol. 11. (In Ukrainian)
Klimchuk F. Dyjalektnae wzmezhzha w nizhnim Pagarynni [Dialectal border in Lower Pogorynjye]. *Aktual"nyja prablemy movaznawstva i lingvadydaktyki: matjeryjaly Rjespublikanskaj navukovaj kanferjencyi (Brjest, 20–21 sakavika 2008 g.).* [*Actual problems in linguistics and language education: Proceedings of the republican scientific conference (Brest, March 20–21, 2008)*]. Brjest, Brjescki dzjarzhawny universitjet imja A. S. Pushkina Publ., 2008, pp. 50–53. (In Belorussian)
Slownik belaruskih gavorak pawnochna-zahodnjaj Belarusi i jae pagranichcha: V 5 t. [In 5 vols]. Akadjemija Navuk Belaruskaj SSR. Instytut movaznawstva imja Jakuba Kolasa. Vol. 2: D — L. Мінск, Navuka i tjehnika Publ., 1980. 728 p. (In Belarusian)

Cyhun G. Pra zahodnepaleskuyu litaraturnuyu mikramovu (praekt M. Shehlyagovicha) *Movaznaўstva*. Available at: http://languages.miensk.com/Lang_Eu_As_Af/Indoeuropean/Westpalesian/prajekt_sheliah.htm. (accessed 11.01.2015). (in Belarusian)

Duličenko, A. D. Westpolesisch. *Wieser-Enzyklopädie des europäischen Ostens*. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Ed. by M. Okuka. Klagenfurt, Wieser Publ., 2002, pp. 581–587.

Klimčuk F. D. Nekotorye osobennosti pis'mennoi traditsii Poles'ia [Some peculiarities of written tradition of Polesye]. *Modernisierung des Wortschatzes europäischer Regional- und Minderheitensprachen*. Ed. by G. Spieß. Tübingen, Narr Verl. Publ., 1999, pp. 83–94. (In Russian)

For citation: Blinova O. V. "Jitvjegy je za okrimne plymne": Predicate Nominals in Westpolessian in Comparison with Neighboring Slavic Languages. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 2, pp. 112–120. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.210

Статья поступила в редакцию 22 февраля 2015 г.,
рекомендована в печать 9 октября 2015 г.

Контактная информация:

Блинова Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент; 0973000@gmail.com

Blinova Olga V. — PhD, Assistant Professor; 0973000@gmail.com